

Два «капитализма» в России: по материалам научной конференции

А.В. ОЧКИНА

Статья представляет собой анализ материалов научной конференции «Два “капитализма” в России», которая прошла в Москве 17–18 мая 2008 г., организованной по инициативе и при содействии автономной некоммерческой организации «Институт глобализации и социальных движений» журнала «Левая политика», а также фонда Розы Люксембург. Основной целью конференции стало выявление тенденций развития современного российского общества через обращение к историческим аналогиям, сравнение состояния и характеристик российского общества в 1910-х годах и сегодня. На конференции были предложены различные концепции воспроизводства ряда социально-политических и экономических институтов «первого капитализма» в современном развитии. В ходе дискуссии по-разному освещался государственный характер буржуазного развития в России, обсуждались причины и механизмы поглощения государством институтов и инициатив гражданского общества. Именно идея о постоянстве российского авторитаризма стала лейтмотивом конференции. Объяснения этого феномена укладывались в основном в две парадигмы: идею о цивилизационных особенностях России, и концепцию, основанную на положениях миросистемного анализа. Серьезное внимание уделялось перспективам демократического развития России некапиталистической альтернативе, состоянию и перспективам социальных движений.

Исторические аналогии всегда крайне привлекательны. Благодаря им мы получаем, во-первых, дополнительные инструменты анализа, во-вторых, дополнительные прогностические возможности. Выявление в прошлом процессов и явлений, аналогичных современным, позволяет предвидеть развитие событий, прослеживая исторически, куда могут привести те тенденции, которые в нашем настоящем только намечались.

Социально-экономическая и политическая ситуация в России сегодня напрашивается на подобные аналогии. Развитие российского капитализма в начале XX в. было прервано Октябрьской революцией 1917 г. и возобновилось в 1990-х годах. Оба российских капитализма – и дореволюционный, и постсоветский – демонстрируют удивительные черты сходства. Однако причины этого сходства очень по-разному объясняются разными исследователями, соответственно выводы и прогнозы различны, часто противоположны. Кто-то делает заключение об историческом, цивилизационном проклятии России, не позволяю-

шем ей свернуть с пути политического авторитаризма и, следовательно, экономической отсталости. Кто-то видит причины формирования современного облика российского капитализма в закономерностях мирового развития. Кому-то чрезвычайно соблазнительной может показаться идея механического переноса социальных и политических тенденций, присущих началу XX в., в современные условия. Так или иначе, но и поиск истоков сегодняшних событий в прошлом, и обращение к прошлому как к модели возможного развития событий в настоящем стали неотъемлемыми элементами анализа российского капитализма не только в исторических, но и в социологических, экономических, политологических исследованиях.

В то же время аналогия – вещь чрезвычайно опасная. Каким бы сходством не обладали события, происходящие в разные исторические периоды или в разных странах, вовлекаются в них все же не абсолютно идентичные общества. Люди, участвующие в этих событиях, их социальные характеристики, интересы и стремления также всегда различны. Кроме того, серьезным фактором является новый исторический опыт, получаемый обществом в целом и отдельными людьми в процессе развития, и этот опыт становится элементом как индивидуального, так и группового поведения. Следовательно, используя метод аналогий, мы должны четко представлять себе границы его применения, выявлять те различия в социальных характеристиках и структуре общества, которые не позволяют полностью перенести тенденции, присущие прошлому, в настоящее.

Возникает вопрос: к чему вообще тогда обращаться к истории, если методологический потенциал исторических аналогий ограничен? Каждый исторический период конкретен, он характеризуется своими чертами, формирует собственные тенденции, их и нужно анализировать, с ними и нужно работать. Для историков, безусловно, прошлое представляет интерес; но много ли могут извлечь из его изучения экономисты, социологи, политологи? Даже проанализировав исторические ошибки и трагедии, что мы сможем извлечь из этого анализа, если живем в другое время и в других обстоятельствах?

Однако история – это непрерывный процесс. День сегодняшний очень быстро становится историей, он обусловлен прошлым, и именно из него появляется настоящее, в котором уже заложены ростки будущего. Одно это делает исторический анализ неотъемлемым элементом любого социального исследования. Иное дело, что может быть интересна история не сама по себе, а как предыстория сегодняшнего дня, как те конкретные исторические обстоятельства и события, которые сформировали явления, процессы и тенденции современности. В конце концов, в самой устойчивости и воспроизводимости социальных институтов и противоречий заложена определенная закономерность, которая и может быть обнаружена, если сравнивать исторические периоды.

Сравнение двух российских капитализмов позволит понять, в чем причина повторяемости определенных характеристик и закономерностей капиталистического развития России, какие объективные обстоятельства неизменно воздействуют на него, воспроизводя в современной, такой иной России социальные явления столетней давности – это с одной стороны. С другой стороны, выявление различий поможет четче определить, как и почему изменилось общество, какие новые возможности появились у социальных субъектов, или какие шансы они упустили безвозвратно и почему. Такой анализ уже представит оче-

видную практическую ценность. Мы сможем увидеть границы, установленные объективным историческим процессом, и те степени свободы, те возможности, которые есть у общества для его изменения и развития.

Итак, чем же сходны и чем различаются два капитализма в России, что дает подобный анализ для социальной теории и практики? Этим вопросам была посвящена конференция, проходившая 17–18 мая 2008 г. в Москве и организованная Институтом глобализации и социальных движений при поддержке фонда Розы Люксембург. На ней присутствовали более 30 ученых из разных городов России, Украины, Канады и Германии. Основной целью конференции было выявление тенденций и перспектив развития современного российского общества через обращение к историческим аналогиям, сравнение состояния и характеристик российского общества в 1910-х годах и сегодня. Концепции и оценки, представленные на конференции, были различны, порой противоположны, но их сопоставление позволяет понять, что за путь прошла Россия, как она изменилась от одного капитализма к другому, в чем истоки возобновления некоторых социальных и политических тенденций, каковы границы возможных их изменений в настоящем и будущем. Я постараюсь представить не почасовую, секционную, а, так сказать, по идейную летопись конференции, чтобы выявить разброс мнений по ключевым вопросам. Но подчеркну еще раз, что при всем разнообразии высказываемых гипотез выступления были подчинены одной идее: выявлению степени и причин устойчивости ряда характеристик экономического и политического развития России.

Наиболее полную историческую картину нарисовал профессор Высшей школы экономики (ГУ–ВШЭ) О.И. Шкаратан (Москва). Он охарактеризовал исторический путь России с точки зрения формирования особого цивилизационного пространства, структура которого и определила на многие годы характер развития социально-экономических и политических отношений в нашей стране. Шкаратан отметил, что история России, как и любой другой страны, вариативна, но в ней существуют своеобразные точки бифуркации – происходят события, в ходе которых осуществляется выбор исторического пути. Этот выбор влечет за собой ряд социально-экономических и политических последствий, связанных с формированием отношений власти и общества, поиском экономических и политических партнеров на мировой арене, определением рычагов политической и экономической власти. Таким образом, возникает целостная социальная структура, система связей и отношений, психологических черт народа, т. е. особое цивилизационное пространство.

Формирование такого пространства, по мнению Шкаратана, связано с теми историческими событиями, которые привели к отказу России от европейского пути развития, утверждению азиатского типа социальных отношений и политической власти. Именно поэтому черты и политического авторитаризма, и экономической отсталости устойчиво воспроизводятся в российской истории. Не были преодолены они и в советском периоде. Напротив, авторитарные тенденции, экспансия государства во все сферы социально-экономической жизни получили свое развитие в советский период в особом строе, к которому Шкаратан применил понятие «этакратизма». Современный капитализм в России развивается в обществе с социальной стратификацией сословного типа и государственным, подданным типом социальных отношений, подчеркнул Шкаратан. К новому обществу, по его мнению, применим термин «неоэтакратизм»,

преодоление отсталости российского капитализма возможно на базе создания нового типа производства – постиндустриального, информационного, что приведет к возникновению нового класса производителей и нового типа социальных отношений. Однако развитие такого общества в силу цивилизационных особенностей России может опять-таки происходить в условиях авторитаризма, жесткого государственного контроля.

Доцент Томского государственного университета С.А. Шпагин (Томск) проследил динамику развития политических структур в России, в частности формирование класса буржуазии и его отношений с властью. Он подчеркнул, что и в период дореволюционного капиталистического развития, и в эпоху нового российского капитализма буржуазия избегает тактики легального давления на власть, предпочитая, как он выразился, «брак по расчету», надеясь на протекцию со стороны чиновников. Социальные и экономические изменения происходят в тех же политических рамках, когда государство поглощает все институты гражданского общества, которые функционируют лишь номинально, обслуживая по факту интересы государства и правящего класса. Становление капитализма, подчеркнул Шпагин, не привело в России ни в начале XX, ни в начале XXI в. к становлению зрелого гражданского общества и к формированию относительно независимого экономического и политического поведения буржуазии. Таким образом, Шпагин осуществил политологический анализ российских капитализмов, в частности процессов воспроизводства определенного типа отношений с властью, но при анализе причин обратился к истории и, избегая глобальных выводов и обобщений, дал конкретно-историческое объяснение специфики российского капиталистического развития. Шпагин акцентировал внимание на одной особенности капитализма в России – зависимости буржуазии от государства и слабости гражданского общества. Социально-исторический анализ Шпагина, при всей его конкретности, вписывается в определенную степень в систему понятий цивилизационного анализа.

Элементы цивилизационного подхода присутствовали и в анализе русского капитализма, данном специалистами по аграрному вопросу. Рассматривая все перипетии аграрной реформы в царской России, выступавшие на аграрной секции конференции настаивали на том, что в ходе реформы формировались социальные силы, которые могли бы стать основой более либерального варианта капитализма. Так, сотрудник ИНИОН А.В. Гордон (Москва) проследил формирование в ходе аграрной реформы особого социального субъекта – «хозяйственного мужика». По мнению Гордона, именно «хозяйственные мужики» были подлинными субъектами модернизации, носителями предпринимательского духа в России. Фатальным для России, настаивал Гордон, оказалось то, что модернизации сверху и снизу схлестнулись, модернизационные и предпринимательские тенденции в крестьянской среде были задавлены, а модернизация сверху провалилась, так как российские помещики оказались не способны хозяйствовать.

Профессор РГГУ М.А. Давыдов (Москва) доказывал, что столыпинская реформа фокусировалась на личности крестьянина и могла способствовать формированию рыночных отношений в сельском хозяйстве. Он привлек статистические данные для доказательства эффективности реформы. Основным его тезисом стало утверждение, что столыпинская реформа развивала самостоятельность и предпринимательскую инициативу, а поэтому не только вела к повышению эффек-

тивности сельского хозяйства, но и в определенной степени способствовала формированию нового типа отношений в обществе. По словам докладчика, 100 лет назад в своей психологии российский народ еще мог повернуться к нормальным, по его мнению, ценностям, т. е. к ценностям свободного предпринимательства. Выступление Давыдова было встречено участниками секции неоднозначно. На вопросы о фактах противодействий реформе докладчик отвечал, что подобные масштабные преобразования не могут носить бесконфликтный характер, но это не значит, что реформа была совсем не нужна.

Дискуссии специалистов по аграрному развитию России имели преимущественно исторический характер и сосредоточивались на процессах модернизации сельского хозяйства, которые так и не привели к возникновению самостоятельного экономического субъекта на селе, хотя предпосылки для этого были. Подавление экономической инициативы на селе стало, по мнению докладчиков секции, одним из этапов, элементов формирования авторитарного и тоталитарного типа экономического развития России. Так, профессор Сибирского института МВД РФ О.В. Коновалова (Красноярск) подчеркнула, что индустриализация в царской России не была завершена, а в советский период проводилась за счет систематического сокращения личного потребления. Российское село при этом играло роль «внутренней колонии», нещадно эксплуатировалось. В условиях ускоренной модернизации страны сформировался особый тип экономической системы – государственный капитализм, или этатизм, который приобрел особые тоталитарные черты. Советское государство сконцентрировало в своих руках не только власть, но и предпринимательскую и торговую прибыль, ренту.

Анализ процессов, происходивших в сельском хозяйстве, так же как и оценка развития российской политической системы, показал, каким образом складывался в России авторитарный тип социально-политических отношений, в каких конкретно-исторических формах шло поглощение общества государством, что и предопределило, по мнению выступавших, специфику капиталистического развития в нашей стране. Перечисленное укладывается, как уже было сказано, в рамки цивилизационного подхода к анализу, но на этой конференции он не был единственным. Так, прозвучали идеи, основанные на подходах школы миросистемного анализа, объясняющие черты российского буржуазного развития той позицией, которую Россия занимала в мировой капиталистической системе в дореволюционный период и заняла сегодня, после возвращения к капиталистической модели развития.

Директор Института глобализации и социальных движений Б.Ю. Кагарлицкий (Москва) в своем сравнении двух капиталистических периодов отметил, в частности, черты поразительного сходства либеральной критики российского капитализма в начале XX и XXI вв., в которой так настойчиво муссировалась идея его отсталости, государственности, сырьевого характера экономики. Либеральный анализ российского капитализма, отметил Кагарлицкий, как правило, сводится к сравнению его с неким идеалом капитализма, который воплощен в США и Западной Европе, скорее именно в США. Причем эта идеальная матрица, этот идеальный капитализм внеисторичен, несоциологичен, это не реальная матрица американского или западноевропейского капитализма на конкретном историческом этапе развития, а некоторая общая, платоновская идея капитализма, те базовые идеи, на которых якобы американский капитализм постро-

ен. И вот нашу реальность, сказал Кагарлицкий, сравнивают с этой матрицей, очень добросовестно отмечая все пункты, где наш капитализм не совпал с этой идеальной матрицей, а дальше начинаются поиски объяснений данных отклонений. Объяснения этих «неправильностей» ищутся либо в особенностях советского периода, который-де так испортил общество, что оно стало совершенно невосприимчиво к «нормальным» рыночным преобразованиям, либо в трудностях и ошибках переходного периода. То и другое объяснение, по мнению Кагарлицкого, методологически бесперспективно. Капитализм в России потихоньку встает на собственные ноги, переходный период закончился, когда начался рост экономики, и по прошествии 17 лет со времени распада Советского Союза все труднее становится списывать проблемы современного общества на «проклятое» советское прошлое. Серьезного же анализа специфических черт российского капитализма, подчеркнул Кагарлицкий, не дается. В частности, отметил он, сырьевой характер экономики либеральная аналитика не склонна объяснять местом России в капиталистической мировой системе. То есть тот подход, который разрабатывается такими учеными, как, например, Самир Амин и Иммануил Валлерстайн, совершенно чужд современным либеральным исследователям российского капитализма. Между тем именно место, которое занимает Россия в мировой капиталистической системе, объединяет капитализм во времена царизма и современный капитализм при всех различиях этих двух периодов нашей истории.

Данную мысль в своем выступлении развивал и содиректор Центра новой социологии и практической политики «Феникс» А.Н. Тарасов (Москва). Он детально сопоставил два российских капитализма по тем позициям, которые традиционно рассматриваются как черты сходства, хотя в них же кроются, по его мнению, и черты различия. Исходить следует, по мысли Тарасова, и это очень важно, из того, что стартовые условия для развития капитализма дореволюционного и постсоветского были разные. Дореволюционная Россия представляла собой страну с развитыми частнособственническими отношениями, новый же российский капитализм возник в условиях тотальной государственной собственности. Иначе проявляет себя и государственный характер капитализма. Зависимость от иностранного капитала в царской России тоже была иного рода: иностранный капитал в то время выступал как развивающая сила, приносил новые технологии и производства, а сегодня он выступает как консервативная и даже регрессивная сила, так как закрываются предприятия, могущие стать конкурентами ТНК. Указав на еще целый ряд различий, Тарасов заключил, что в наибольшей степени преемственность нового российского капитализма по отношению к капитализму Российской империи проявляется в основном в том, что Россия опять включилась в мировую капиталистическую систему на капиталистических принципах.

На конференции, таким образом, наметились две основные линии обсуждения, две базовые концепции, в которые, так или иначе, укладывались более детальные и конкретные суждения и оценки. Согласно первой, обозначилась методология анализа российского капитализма, которую можно назвать историко-цивилизационной. При таком подходе общие черты двух российских капитализмов, которые и послужили поводом к проведению аналогий (отсталость, сырьевой характер экономики, примат государства во всех сферах обществен-

ной жизни, зависимость от иностранного капитала и т. д.), объяснялись как проявление цивилизационных особенностей России, а сами эти особенности – как результат столкновения и развития исторических событий и обстоятельств, которые и формировали на протяжении российской истории модель взаимоотношений общества и государства.

В рамках данной модели российское государство становится доминирующей общественной силой, не имеющей в социуме противостояния и, следовательно, практически бесконтрольной. В экономической сфере такая бесконтрольность, по мнению участников дискуссии, ведет к подавлению хозяйственной инициативы, выбору неэффективных путей хозяйствования, злоупотреблению со стороны чиновников, что, подобно коррозии, разъедает российскую экономику и российское общество. В социальной и политической областях всевластие и бесконтрольность государства означают слабость гражданского общества, неэффективность и раздробленность социальных движений, форм социального протеста. Таким образом, не формируются или формируются крайне медленно и проблемно группы, способные стать субъектами демократических социально-экономических преобразований, движителями современной модернизации общества. Государство на протяжении почти всей российской истории оказывалось в своеобразном социальном одиночестве, являясь единственным относительно эффективным агентом модернизации.

Вторая концепция фокусировала внимание на проблемах и перспективах мирового капитализма, не подчеркивая противостояние российского развития мировому, в частности западному, а, напротив, рассматривая социально-экономические процессы в России в общем контексте развития мировой капиталистической системы. В этой связи крайне интересным представляется заявление Тарасова о том, что полупериферийность капитализма во времена царской империи была иного рода, чем сегодня. Он отметил, что до революции 1917 г. не существовало единого империализма, экспансию которого мы наблюдаем сегодня, напротив, противостояние разных капитализмов было настолько напряженным, что привело к Первой мировой войне. Говоря о повторном включении России в мировую капиталистическую систему после реформ 1990-х годов, Тарасов подчеркнул, что это произошло на худших условиях, чем у царской России. Во-первых, потому, что до Октябрьской революции не было глобализации, во-вторых, потому, что Россия включилась в мировую капиталистическую систему с меньшей территорией и меньшими ресурсами, а также с меньшей экономической мощью. И наконец, заявил Тарасов, Россия вошла в глобальную капиталистическую экономику в качестве страны третьего мира, тогда как во времена царской империи третьего мира в нашем современном понимании просто не было.

Профессор Школы трудовой демократии Г.Я. Ракитская (Москва) также отметила периферийный, зависимый характер современного российского капитализма как его главную черту. Россия не может быть свободна от влияния глобальных процессов, подчеркнула она, слабость российского общества связана с усилением не только национального, но и глобального тоталитаризма.

При рассмотрении вопроса о взаимосвязи процессов в мировой и российской капиталистической системах заслуживает внимания выступление профессора Свободного берлинского университета Э. Альфатера (Германия), который

обратился к анализу глобальной экономической системы, глобальных рисков и перспектив развития мирового капитализма. Он заметил, что дискуссии о кризисе капитализма все больше приобретают глобальный характер. Понимание национального, в том числе и российского, капитализма невозможно без соотнесения его проблем и кризисов с проблемами и кризисами глобального капитализма. К глобальным рискам современного капитализма относятся: энергетический кризис, экологический и продовольственный кризисы, а также нестабильность мировой финансовой системы. Последней проблеме Альтфатер уделил особое внимание, заметив, что следствием либерализации финансовых рынков, которая происходит во всей мировой капиталистической системе, стала потеря государствами и правительствами своего суверенитета, прежде всего возможности определять и контролировать свою собственную экономику. Такая глобализация финансовой системы таит в себе новые кризисы, но в то же время в ней существуют и развиваются новые финансовые инструменты, позволяющие переносить основную тяжесть кризиса на страны-должники и предотвращать банкротство стран-кредиторов. Призыв к национализации перестает быть только левым, социалистическим лозунгом, поскольку возникает так называемая социализация потерь, когда за потери в экономике, связанные с поведением корпораций, расплачивается все общество. Кризис капитализма заставляет капиталистические элиты обращаться к тем левым лозунгам, которые интерпретируют кризисные явления, вызванные функционированием капиталистической системы, как глобальные риски. Профессор отметил, что мировая капиталистическая элита в ответ на кризис капитализма вырабатывает стратегии, которые временно защищают систему, но консервируют ее противоречия и тем самым этот кризис усиливают.

Использование инструментов миросистемного анализа и оценка изменений, произошедших в мировой капиталистической системе, позволили участникам конференции по-новому взглянуть и на современную ситуацию в России, и на характер преемственности между двумя российскими капитализмами. Новый российский капитализм унаследовал свою зависимость от мировых капиталистических процессов – зависимость периферийного типа. Но мировой капитализм изменился, и в новых условиях российский капитализм создает новые социально-экономические механизмы реализации этой зависимости.

Так, давление ТНК породило явление, которое Э. Альтфатер и другие участники дискуссии определили как социализацию убытков. В свою очередь, А.Н. Тарасов показал, что в современных российских условиях подобная социализация может проводиться особенно жестко и беспрепятственно. Он отметил: при всех злоупотреблениях царских чиновников государственный капитализм в Российской империи все-таки работал на государственную казну, на обогащение государства. А сегодня государственные монополии устроены так, что формально они – государственные предприятия, а на практике – акционерные общества, доходы которых распределяются в узком кругу топ-менеджеров. Убытки же перекладываются на плечи государства, т. е. покрываются из кармана налогоплательщиков. Убытки ТНК также распределяются на страны периферии и полупериферии. Традиционное экономическое доминирование государства становится в современных условиях основой для создания нового социального механизма, обслуживающего новые потребности как внутреннего, так и

мирового капитала. Как отметил С.А. Шпагин, постсовременные государства давно отказались от всяких идеологических ограничений и обрели новые эффективные инструменты политического манипулирования. В распоряжении их правительств находятся теперь не только собственные средства, но и ресурсы других правительств и международных организаций. Таким образом, и в политической сфере государственный характер российского капитализма обрел новые социально-политические формы в новых условиях мирового развития.

Необходимо отметить, что в прозвучавших выступлениях исторические аналогии явились не только яркими историческими примерами или стилистическими украшениями. Они играли роль методического инструмента, с помощью которого можно проследить развитие того или иного явления в истории, причины устойчивости одних и изменчивости других.

Однако дискуссия на конференции не ограничилась общими, рамочными концепциями и сравнениями. Исторические экскурсы были интересны и необходимы прежде всего для того, чтобы рельефнее представить и детальнее понять настоящее. При всей устойчивости ряда социальных институтов и воспроизводимости социальных отношений, которые роднят «первый» и «второй» капитализмы в России, эти институты и отношения создают только своего рода рамки для развития общества. При решении же конкретных социальных задач в конкретных условиях возникают новые социальные механизмы и группы, новые социальные отношения и субъекты. Б.Ю. Кагарлицкий, чтобы подчеркнуть это, воспользовался известным изречением: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку»; как сказал он, нельзя дважды войти в один поток: берега остались, поток ушел. И задача исследователей – понять, что же этим потоком унесено, как изменилось общество, какие возможности или трудности создают эти перемены для дальнейшего развития страны. Правда, С.А. Шпагин добавил, что обновление потока идет все в тех же берегах, имея в виду устойчивые традиции взаимоотношений общества и власти в России. Всевластное государство и общество, противостоящее ему, но от него зависимое, – устойчивость и повторяемость этой картины и создает сегодня ощущения *déjà vu*. Но тем не менее есть различия социумов начала двух веков, XX и XXI, которые бросаются в глаза. При всей очевидности таких различий необходим детальный анализ как особенностей современного российского социума, так и причин и степени устойчивости отдельных характеристик буржуазного развития России сегодня.

Государство по-прежнему поглощает общество; но каково же нынче это общество? По мнению участников конференции, наиболее глубокие изменения произошли именно в социальной структуре и характеристиках социальных субъектов. Вот почему докладчики обращались прежде всего к этим вопросам. Так, О.И. Шкаратан кратко охарактеризовал правящие слои российского общества, состав которых, как он подчеркнул, определяется характером экономики. И если экономика преимущественно ориентирована на сырьевой экспорт, то самые влиятельные группы правящего класса связаны с этим сектором. Шкаратан полагает, что, к сожалению, крупные экспортеры минерального сырья и обслуживающая их финансовая аристократия не ориентированы на развитие внутреннего рынка и экономического потенциала России. Все группы, связанные с сырьевым экспортом, ставят запросы внешнего рынка выше интересов национального развития. У всех этих группировок компрадорской направлен-

ности нет надежной, по-настоящему долгосрочной поддержки внутри страны. Однако Шкаратан отметил, что постепенно формируется и национальная буржуазия, связанная с национальной промышленностью и ориентированная на внутренний рынок. Именно она, по его мнению, и может стать антагонистом «сырьевым» группировкам, компрадорской буржуазии. Он охарактеризовал современное российское общество как неозакратическое, недемократическое, с сословной, подданнической социальной структурой. Также он отметил, что субъектами демократического развития могут стать так называемые информационные производители – профессионалы, занятые в новейших отраслях. Однако исследования показывают, что слой этих профессионалов очень тонок и концентрируются они в основном в Москве.

Характеристику новому правящему классу в заново капиталистической России дал и А.Н. Тарасов, подчеркнув его существенное отличие. По словам докладчика, сегодня у нас сформировался класс собственников, который можно назвать бюрократ-буржуазией. Это явление характерно для стран, освободившихся от колониальной зависимости. Если в царской России можно было наблюдать такую эволюцию: сначала помещик, потом бюрократ, то в современной России эволюция обратная: сначала бюрократ, а потом владелец средств производства. Бюрократ-буржуа в отличие от помещика является не наследником, а захватчиком собственности. Нужно сказать, что эта характеристика заставляет понять новую природу доминирования государства. У собственников в царской России все же была независимость, пусть и ограниченная. Как отметил А.В. Гордон, Екатерина II, хотя и провозгласила, что свобода и собственность – основа земледелия, тем не менее не пошла против дворянства, преобразования в сельском хозяйстве остались верхушечными. У новых российских собственников никакой традиционной независимости от государства, даже декларативной, нет. Кроме того, как отметил О.И. Шкаратан, у правящего класса, связанного с сырьевым экспортом, сегодня серьезные проблемы с легитимностью приватизированной собственности на природные ресурсы. И, несмотря на то что те собственники, которые стремятся выгодно продать свои капиталы на Запад, придерживаются подчеркнуто антиэтатистских взглядов, они зависят от государства, пока их деловые интересы связаны с Россией. Тем более распространяется эта зависимость и на те группы сырьевых экспортеров, которые стремятся, напротив, легализовать свой бизнес в России.

Характеризуя социальную структуру, сложившуюся в России, А.Н. Тарасов коснулся проблемы интеллектуалов, подчеркнув, что понятие «интеллектуал» не тождественно понятию «интеллигенция». Типичным интеллектуалом царской России был чиновник. Интеллигенция возникла как разночинная и формировалась из оппозиционно настроенной части образованных людей. Сегодняшний интеллектуал – наследник того интеллектуала, который сформировался в Советском Союзе. Преимущественно это специалисты с высшим образованием, представители массовых интеллектуальных профессий и эксперты. Интеллигенция в 1990-х годах демонстрировала нетипичное поведение, энергично и массово поддерживая власть. Сегодняшние образованные слои утратили оппозиционность и даже перестают быть в большинстве своем носителями альтернативной идеологии, альтернативных социальных ценностей. Революционный, преобразовательный потенциал общества, таким образом, стал намного слабее.

Б.Ю. Кагарлицкий дал обобщенную характеристику социальных изменений, произошедших с российским обществом с начала XX в. Он показал, что если до революции российское общество было аграрным и доиндустриальным, то сегодня оно – городское и индустриальное. В современном российском развитии причудливо переплетаются черты разрушенной, подорванной индустрии, элементы постиндустриальных технологий и весьма своеобразные тенденции индустриального развития. Кагарлицкий отметил и радикальные изменения в уровне образования населения, что неизбежно ведет к изменению уровня и содержания социальных потребностей. Но при этом если Россия к концу царской эпохи была страной молодой и демографически бурно растущей, то теперь мы имеем демографический спад, что снижает и общий динамизм социальных процессов. Степень зависимости граждан от социальной политики государства в начале XX в. была минимальной, доля населения, непосредственно зависящая от государственных пособий и выплат – незначительной. Специфика демографической ситуации сегодня привела к тому, что уровень жизни значительного числа граждан напрямую зависит от объема государственного финансирования социальных пособий, пенсий. Вырос внушительный по объему общественный сектор, и занятые в нем также являются заложниками социальной политики государства.

Изменения социальной структуры, социального поведения и психологии обсуждались также и при анализе проблем развития сельского хозяйства. Профессор Рязанского государственного университета и Центра европейской политики и права при РГГУ В.С. Авдониин говорил о существенном изменении соотношения социальных сил в сельском хозяйстве. Так, он отметил, что капиталистические реформы сельского хозяйства в царской и современной России проводились на разных принципах и с принципиально различными целями. Столыпинская реформа, по мнению Авдониина, была направлена на то, чтобы земля не уходила из рук крестьян, чтобы развивалось крестьянское землевладение. Нынешние же преобразования ориентированы на неограниченную торговлю землей, расчет делается на концентрацию земли в руках крупных инвесторов и собственников. Современные реформы направлены на создание стратегических собственников, которые будут развивать сельское хозяйство. Было ожидание того, что на базе колхозов и совхозов станут развиваться такие же крупные, но только уже капиталистические хозяйства. Сегодня в сельском хозяйстве, отметил Авдониин, наблюдаются невиданная концентрация земель в руках крупных собственников и, соответственно, пролетаризация крестьянства. Рассуждения о фермерском хозяйстве, считает Авдониин, беспочвенны.

Доцент Московской высшей школы социальных и экономических наук, руководитель центра крестьяноведения и аграрных реформ Интерцентра А.М. Никулин (Москва) проследил динамику социальных отношений в деревне от столыпинской реформы до наших дней. Он отметил, что столыпинская реформа способствовала повышению эффективности сельского хозяйства, но одновременно внесла существенную имущественную дифференциацию в сельский социум, привела к расколу сельского сообщества, удовлетворила потребности меньшей его части. И вот большая часть, заметил Никулин, не удовлетворенная результатами реформы, нашла выход в революции. Таким образом, столыпинская реформа не только повысила эффективность сельского хозяйства, привела к развитию капиталистических отношений в деревне, но и революционизировала

ее. Советский аграрный опыт, по словам Никулина, неоднозначен. В частности, он напомнил, что в 1920-е годы наблюдалось возрождение общины как естественной реакции на продовольственные трудности того периода. Однако для решения задач ускоренной индустриализации в сельскохозяйственную общину был вбит клин в виде колхозов и совхозов, которые стали как бы гигантскими воронками для выкачивания средств на развитие промышленности. Но часто эти гиганты оказывались убыточными, и государство одновременно и выкачивало, и закачивало средства в деревню. На этом этапе не произошло полной капитализации в ее современном понимании, не произошло отделения предприятия от семьи. Стагнация в сельском хозяйстве сохранялась большую часть советского периода, умирающее село – типичное явление того периода. Но при этом сохранялся внутри индустриального, преимущественно городского общества особый сельский социум с присущими только ему особыми социальными отношениями – полностью они не были разрушены. Коснулся Никулин и возможных вариантов развития села, которые неизбежно отразятся на социальной структуре российского общества. Он отметил, что при всех проблемах перспективы развития всех имеющихся кооперативов и фермерского хозяйства есть. Кроме того, вероятным вариантом развития села является латифундия и, наконец, холдинг, развитие которого означало бы пролетаризацию села.

Научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН В.В. Красавин (Пермь) отметил, что преемственности между капитализмом царской России и современным капитализмом нет ни в правовой, ни в экономической, ни в социальной сферах. По форме современный российский капитализм всецело состоит из социальных институтов, позаимствованных извне. По сути же своей он является результатом развития советского общества, продолжением нашей послереволюционной истории.

Давая обобщенную оценку современного российского капитализма, О.В. Коновалова сказала: происходившее в России в 1980–1990-х годах можно приравнять к революции. Менялись не только идеологические постулаты, но и социальная структура общества. Она напомнила, что многие выступавшие проводили аналогии между современным российским обществом и феодализмом, и заметила, что ей такая оценка представляется не вполне корректной. В то время как рушатся социальные связи, меняется социальная структура, люди хотя опереться на наиболее очевидные социальные отношения и идентичности: семейные, национальные. Так что это не какое-то извращение капитализма, а формы социального выживания. Корни особенностей современного российского капитализма как в капитализме дореволюционном, так и в госкапитализме советского периода. Коновалова отметила, что формируется новая модель российского капитализма, которая будет построена на модели доминирования государства, в ней будут сочетаться государственное и частное начала.

Итак, государственное доминирование в экономике и социальной сфере стало все-таки лейтмотивом выступлений. Но наряду с этим выступавшие поднимали, так или иначе, два вопроса: роль советского периода в формировании черт современного российского капитализма и перспективы дальнейшего буржуазного развития в нашей стране. Изменения, произошедшие в российском обществе, неоднозначны, их не так просто разместить в координатах прогресса и регресса, как это сделал в своем выступлении профессор Школы трудовой

демократии Б.В. Ракитский. Он, в числе прочего, указал на то, что, с точки зрения развития гражданского общества, свободы и демократии, российское общество неуклонно движется по траектории исторического регресса начиная с конца 1920-х годов, когда был упущен шанс социал-демократического развития для России. Ракитский пояснил, что тоталитарная и авторитарная политическая система довлеет над экономикой и социальной жизнью, не позволяя развиваться сколько-нибудь активным социальным силам.

Своего рода оппонентом такого суждения выступил сотрудник Института всеобщей истории РАН А.В. Шубин, предложив несколько критериев социального прогресса, а именно: степень модернизации, уровень жизни населения, уровень свободы человека, степень развития гражданского общества. С этой точки зрения он сравнил дореволюционную Россию, Советский Союз и современную Россию. С помощью статистических данных Шубин показал, что в области уровня и качества жизни, доступности культуры и образования, даже гражданских свобод советский период в целом был несомненным прогрессом относительно периода дореволюционного. В советское время общество достигло пика индустриализации, но не смогло осуществить прорыв к следующему этапу развития ни в экономической, ни в технологической, ни в гуманитарной сферах. Современный российский капитализм является, по мнению Шубина, несомненным регрессом по отношению к советскому и даже дореволюционному периоду. Происходит процесс демодернизации общества и экономики, экономические и политические элиты, вообще социальные отношения формируются по феодальному принципу. Кроме того, Россия в значительной степени ухудшила свои позиции в мировой системе по сравнению с Советским Союзом, превратившись из среднеразвитой страны в страну третьего мира. Подводя итог своему анализу, Шубин сказал, что остановить регресс могут только социалистические преобразования в обществе.

Нужно отметить, что, несмотря на неоднократные ссылки на опыт или наследие Советского Союза, советской истории, участники конференции не уделили сколько-нибудь серьезного специального внимания советскому периоду. В некоторых выступлениях советский период выглядел как некий черный ящик, в который вошло одно российское общество, а вышло другое, измененное, хоть и сохранившее черты авторитарности и социальной пассивности. В других выступлениях рассматривались отдельные аспекты советского социального развития с тем, чтобы объяснить отличие сегодняшнего капиталистического общества от дореволюционного, или с тем, чтобы продемонстрировать развитие и укрепление авторитарных тенденций. И даже Шубин, наиболее подробно остановившийся на советском периоде, в рамках своего выступления не ставил задачу проследить, как социальные формы, сложившиеся в советский период нашей истории, видоизменяются сегодня, воздействуют на капиталистическое развитие, отторгаются или поглощаются, уничтожаются или эксплуатируются капиталистическими институтами социально-экономической жизни. Краткую, но наиболее обобщенную характеристику роли советского периода для современного капиталистического развития дали О.И. Шкаратан и Б.Ю. Кагарлицкий. Шкаратан обозначил советский период как период развития и укрепления этакратизма, а Кагарлицкий назвал его попыткой вырваться из мировой капиталистической системы.

Такое отношение к периоду, разделившему два капитализма в России, можно объяснить, вероятно, тем, что докладчиков конференции волновали перспективы именно капиталистического развития – и дореволюционного, и современного. Анализ наследия советского периода присутствовал, так сказать, латентно при обсуждении прошлых и сегодняшних особенностей социальной структуры и социальных отношений.

При оценке перспектив дальнейшего развития нашего общества перед участниками конференции неизбежно встал вопрос о том, что собой представляют субъекты социальных преобразований в сегодняшней России, если такие вообще существуют. В определенном смысле провокационным было заявление Кагарлицкого о наивных попытках аналитиков левого направления механически перенести ситуацию начала XX в. в сегодняшний день и на основании сходства некоторых социально-экономических и политических обстоятельств ожидать повторения событий 1905 г. или 1917 г. При этом подобные попытки доходят вплоть до поиска политических сил и ситуаций, характерных для того периода.

К сожалению, основная дискуссия по проблемам социальных инициатив происходила на отдельной секции, посвященной этому вопросу. Таким образом, обсуждение рабочего, профсоюзного и других социальных движений оказалось оторванным от общих дискуссий, в которых поднимались вопросы политической слабости российской буржуазии, неоднородности и социальной пассивности интеллигентов, возможности формирования нового класса современных высокообразованных профессионалов как социальной основы новой экономики и демократических преобразований. Между тем на секции, посвященной рабочему, профсоюзному и социальному движениям, обсуждение было наиболее напряженным. Именно здесь оценки носили эмоциональный характер, обретая черты исторического пессимизма или оптимизма, хотя последний назвал осторожным сотрудник Школы трудовой демократии Д. Мандель (Канада).

Пессимистическая позиция особенно ярко была представлена в выступлении Г.Я. Ракитской, которая призвала участников дискуссии не заниматься самообманом. Она также отметила, что, в отличие от времени начала XX в., полноценных политических рабочих партий в России сегодня нет. Она подчеркнула идеологическое невежество и беспомощность профсоюзных активистов и лидеров и отметила низкий уровень политического сознания рабочих, разобщенность и ограниченность различных социальных движений. Ракитская отметила еще раз, что современный этап глобализации создает серьезные препятствия для развития социальных инициатив. Население активно разделяется на «нужное» и «не нужное» мировому капиталистическому хозяйству, что приводит к расколу протестного движения и рабочего класса. Серьезные политические альтернативы либо не возникают, либо подавляются, а относительно «безвредные» движения загоняются, по ее выражению, в «социальное гетто».

Ученый секретарь Института философии и права УрОРАН В.С. Мартынов (Екатеринбург) также отметил, что и дискуссия, и сопротивление развиваются внутри капитализма, антикапиталистическая инициатива не формируется. Профсоюзные и другие социальные движения, по его словам, выдавливаются из политики, сосредоточиваются на решении локальных, частных вопросов. Политические же возможности социальных инициатив постоянно сужаются. Доцент Поволжской академии государственной службы им. П.А.Столыпина А.В. Ряза-

нов (Саратов) указал на расширившиеся сегодня возможности власти манипулировать общественным сознанием и симулировать социально-политическую активность. Таким образом, вместо силового подавления движения власть управляет им, а это ведет к расколу, ослаблению протестного импульса, путанице в идеологии. Журналист Е. Белжеларский (Москва) заметил, что странно было бы ожидать роста рабочего движения при деградации промышленности. Он обратил внимание на то, что социальный протест значительно шире, чем борьба трудящихся, так как в него вовлекаются различные социально-профессиональные группы.

Д. Мандель напомнил, что советские и российские рабочие, в отличие от рабочих царской России, не имели опыта борьбы за свои права, жили в условиях корпоративной культуры, обрели привычку к социальным гарантиям и политической апатии. Однако он выразил уверенность в том, что рост промышленного производства приведет к подъему рабочего движения.

Директор Института «Коллективное действие», научный сотрудник Института социологии РАН К. Клеман (Москва) дала обобщенную характеристику социальных движений. Она подчеркнула, что говорить по-настоящему о социальных инициативах можно только после 2005 г. Вслед за движением против монетизации льгот начались выступления в защиту жилищных прав, акции против уплотнительной застройки. Стали возникать региональные и местные коалиции, часть которых до сих пор существует. Можно говорить и о некоторой степени консолидации социальных движений. Рабочее движение проснулось позже всех. Рабочие чаще участвовали в движениях как жители и потребители. Новое рабочее движение стало подниматься в 2006–2007 гг. За 2007 г., по данным ИКД, зафиксировано 36 стачек, хотя официально признано только семь. В социальных движениях современной России наблюдается острый дефицит солидарности, координации. Выступления протеста инициируются бытовыми, насущными проблемами, люди реагируют преимущественно на свои острые повседневные нужды и готовы отступить, как только самые первые требования удовлетворены. На Западе гораздо легче поднять людей именно общими лозунгами, воодушевить идеей защиты прав в более широком понимании, чем право на проживание в конкретном месте или получение конкретных пособий. В России ситуация обратная: импульсом социальных движений становятся, как правило, только очень конкретные проблемы. Клеман подчеркнула также, что сегодня появляются новые лидеры и активисты, ранее не имевшие опыта участия в протестных акциях.

В целом участники дискуссии не отрицали наличия профсоюзных и социальных движений в современной России. Скепсис большинства выступлений относился к политическому и антикапиталистическому потенциалу этих движений. Необходимо отметить также, что выступавшие затрагивали и социально-психологические аспекты, в частности привычку к государственному протекционизму и социальной пассивности, разочарование в социалистических идеях, веру в индивидуальный успех при капитализме и позитивный потенциал конкуренции, отсутствие понимания социального протеста как социальной и жизненной ценности и т. д. Такой психологический фон современного социального развития существенно отличается от предреволюционной атмосферы.

Итак, каковы же основные итоги прошедшей конференции? Как всегда, слабее, чем хотелось бы. Но все-таки они есть, и весьма существенные.

Общий анализ российского капитализма подтверждает этатистский характер нашего современного общества, корни которого как в историческом прошлом России, так и в расстановке сил в мировой капиталистической системе.

Ограниченность современного российского капитализма – доминирование государства во всех сферах социальной жизни, сырьевой и зависимый характер экономики, слабость гражданского общества. Формирование активных социальных сил, способных стать субъектами демократических преобразований, субъектами новой, постиндустриальной экономики, идет трудно и медленно, хотя определенные перспективы здесь есть.

Нельзя ожидать сейчас, в условиях нового капитализма, таких же социально-политических последствий, к которым привел дореволюционный капитализм. Нынче другие условия, другие исторические задачи, другие социально-политические силы.

По мнению многих, социализм в его подлинном значении необходим для решения не только насущных практических задач современного развития России – экономического, социального, политического, культурного и т.п. Социализм необходим и как эффективная, адекватная социально-экономическая форма модернизации современного общества. Однако прозвучали мнения о том, что сегодня социалистические преобразования невозможны, так как нет соответствующих социальных субъектов и предпосылок, и даже что рыночные, предпринимательские ценности являются единственно возможной основой демократического развития. Но все-таки вопрос об антикапиталистической альтернативе постоянно поднимался.

Дискуссия о капитализме, по словам Б.Ю. Кагарлицкого, оказалась неотделима от дискуссии о социализме. Отвечая и оптимистам, и пессимистам, он заметил, что никогда никакие объективные обстоятельства не приводят к позитивным преобразованиям сами по себе, что социализм «всегда» невозможен. То есть никогда не будет всех предпосылок в готовом виде, никогда не будет «автоматического» перехода к социализму без соответствующего политического действия.

Традиционно социалистические силы сейчас в России предельно слабы. Протестное движение ориентировано узкопрагматически. Новые социальные силы, объективно нуждающиеся в социалистических преобразованиях, организуются медленно и неохотно.

Сравнение двух периодов капиталистического развития позволяет заключить, что механическое их сопоставление неправомерно. Современное российское общество обладает рядом социально-экономических и политических особенностей, которые способствуют формированию совершенно иных, чем в царской России, социальных институтов и механизмов. Иным является наше общество и в социально-психологическом, и в социально-культурном отношении. Выявление же схожих черт, сопоставление проблем и противоречий капиталистического развития в прошлом и настоящем лишь позволяет нам понять наиболее общие исторические закономерности. Однако будущее всегда вариативно, оно не предначертано раз и навсегда вплоть до деталей. Объективные закономерности – не приговор, а условия для сознательной и целенаправленной человеческой деятельности, в которой знания таких закономерностей – необходимый инструмент.